

ЛЮЙ ШУ-СЯН

ВОПРОС О СЛОВЕ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Настоящая статья представляет собой краткое изложение тех положений, которые за последние годы были внесены китайскими учеными в вопрос, что такое слово в китайском языке¹.

Задача дать определение слову, дело нелегкое в отношении любого языка, оказывается особенно трудной в отношении китайского языка. Да, по правде сказать, в исследованиях по китайскому языку сама проблема слова является новой. В древние времена объектом изучения для китайских ученых всегда был «цзы», т. е. значащий однослог, представляемый на письме иероглифом; с точки зрения языкознания эта единица в современном китайском языке может оказаться отдельным словом, но может оказаться и частью отдельного слова. Как неспециалисты, так и ученые-языковеды в прошлом чаще всего говорили о «цзы» и «цзюй»². Например, Лю Се, автор известного труда «Вэнь-синь Дяо-лун» («Резной дракон Сердца литературы») ³, сказал: «В языке человека цзюй рождается из цзы». В традиционной китайской науке никогда и никто не ставил вопроса о единице, которая была бы больше, чем «цзы», и меньше, чем «цзюй». Тот иероглиф «цзы», которым мы записываем современный термин «слово», в древние времена мог иметь различные значения, но не имел среди них такого значения, которое позволило бы ему быть эквивалентом русск. «слово» или англ. «word»: в таком значении термин «цзы» стал выступать лишь в недавнем прошлом ⁴. Несомненно, что не только в древнем, но даже и в современном языке значащий однослог («цзы») обладал и обладает известной долей самостоятельности и продолжает играть крайне важную роль в языке говорящих по-китайски, — роль гораздо более важную, чем роль, скажем, корня в языках типа русского. Однако значащий однослог («цзы») в китайском языке ни в коем случае не является тем, что в языкознании называется «словом» («цзюй»). Между тем именно «цзы» — «слово» — постепенно стало играть в современном языке особенно важную роль.

Проблема слова для нас является новой и вместе с тем насущной, требующей своего разрешения. И это потому, что для исследователей современного китайского языка проблема слова имеет не только теоретическое значение (в этом отношении она столь же важна для нас, как и для наших

¹ Предлагаемая статья является максимально кратким обзором существующих в китайском языкознании работ по этому вопросу. При изложении взглядов отдельных ученых здесь не приводятся оригинальные цитаты из работ, а привлекаются лишь места, способствующие освещению проблемы. Если из-за краткости настоящего изложения читатель составит неполное или неправильное представление о теоретических положениях того или другого ученого, ответственность за это берет на себя автор настоящей статьи.

² Традиционный термин «цзюй» таким же образом не эквивалентен грамматическому термину «предложение» в основном потому, что он обозначает отрезок речи между двумя паузами и тем самым часто оказывается короче «предложения». Так, например, стихи в 20 «цзы» часто определяются как «четыре пятисловных цзюй».

³ Классический трактат VI в. по теории литературы. — И. О.

⁴ Насколько мне известно, первым, кто предложил термин «цзы» в значении «слово» и указал на его отличие от «цзы», был Чжан Ши-чжао (см. его работу «Чжундэн говень-дзянь», Шанхай, 1907).

коллег, занимающихся изучением западных языков), но и огромное практическое значение, поскольку здесь нам приходится подумать о правилах орфографии в том фонетическом письме, на которое когда-нибудь перейдет и китайский язык (наших коллег этот вопрос не занимает, ибо правила орфографии для изучаемых ими языков уже установлены, пусть даже не всегда безукоризненно).

Итак, в древности для китайских ученых существовало лишь понятие «цзы», но не «слово». Больше того: не только древние ученые, но и исследователи нового времени — например, Ма Цзянь-чжун, автор грамматики «Маши вэньтун» (1898 г.), или Чэнь Чэн-цзэ, автор более поздней грамматики «Говэньфа цяочуан» (1922 г.), — тоже не различали четко эти два понятия. В ряде случаев они ошибочно приравнивали «цзы» в китайском языке к «слову» в западных языках [например, современные термины «минцы» («существительное») — или «дунцы» («глагол») в их трудах были представлены соответственно как «минцзы» или «дунцзы»]. Все это вполне объяснимо, если учесть, что объектом исследования этих лингвистов был древнекитайский язык, для которого в основном (но, конечно, не всегда) «цзы» и «слово» совпадают.

В современном же китайском языке многие и многие «цзы» (иногда — только в том или ином из своих значений) уже не могут употребляться в качестве отдельного слова и являются лишь морфемами¹.

Однако первые исследователи грамматики современного китайского языка не уясняли себе этого с достаточной четкостью: они лишь понимали, что слово может состоять и из двух или трех «цзы», но эти факты не явились еще для них предметом строгого научного исследования. Научное же изучение этого вопроса было начато иными силами — учеными, занятыми составлением проектов китайского фонетического письма. В самом деле, если китайский язык перейдет на фонетическую систему письма, то совершенно очевидно, что нельзя будет больше писать отдельно слог за слогом, как это делается при иероглифическом письме. Эти ученые произвели целый ряд опытов «слитного написания» слова. Поначалу эта задача представлялась весьма несложной, однако постепенно выяснилось, что она не так уж проста. Оказалось, что разницей в орфографии существует не только у разных авторов: даже у одного и того же автора во многих совершенно аналогичных случаях предлагалась различная орфография. Только тогда и было понято, что вопрос этот не может быть успешно решен без предварительного теоретического исследования природы слова в современном китайском языке. В свою очередь, и специалисты по грамматике тоже начали пошмать всю важность слова в составе грамматических конструкций. Умножилось число дискутирующих по этому вопросу, в связи с чем оживилась и сама дискуссия.

Слово — это лингвистическое понятие, раскрытое языковедами Европы на материале европейских языков. В подавляющем большинстве европейских языков слово как орфографическая единица сложилось и оформилось уже давно, и лингвистам, предлагающим те или иные гипотезы о природе слова, остается лишь обобщать эти уже готовые, сложившиеся факты. Как бы ни были разнообразны выдвигаемые теоретические положения, одно ясно: фактические границы слова выделяются на основе морфологических признаков. Чем развитее морфология языка, тем меньше затруднений встречает исследователь в решении этого вопроса. Например, слово в русском языке очерчено намного яснее, чем в английском. И если в китаистике вокруг проблемы слова ведутся нескончаемые дебаты, то

¹ Термину «морфема» среди лингвистов даются различные определения. В настоящей статье под этим термином, как правило (за исключением одного ниже отмеченного случая — см. стр. 14), понимается значащий отрезок слова, не поддающийся дальнейшему делению на значащие части; такое определение морфемы является наиболее обычным и для советских лингвистов (см., например, академическую «Граматику русского языка», т. I, М., 1952, § 6).

это потому, что слово в китайском языке крайне бедно морфологическими признаками, а живым средством словообразования является у нас не словопроизводство, а словосложение. Поэтому границы слова не являются очевидными с первого взгляда.

Вопрос о том, что такое слово в китайском языке, — это вопрос о разграничении слова и неслова, вопрос о выделении в одних случаях границы между словом и словосочетанием, а в других — границы между словом и морфемой. Фактически это сплошь и рядом один и тот же вопрос: если АВ — слово, значит, А и В могут быть только морфемами; если же А и В — слова, то АВ может быть только словосочетанием.

Однако наши современные языковеды более раннего периода не ставили перед собой этот вопрос с такой ясностью. Как правило, они подходили к проблеме с точки зрения семантики. Они говорили: слово обозначает понятие¹. Такая формулировка определения слова не может считаться удовлетворительной, так как остается неясным, как понимать здесь «понятие»: может оно быть простым и сложным, или же здесь говорится единственно о простом? Возьмем для примера комплекс *нью-жду* «коровье мясо», «говядина». Ведь его можно рассматривать как выражение одного (сложного) понятия, можно рассматривать и как выражение двух (простых) понятий. Другими словами, самый комплекс можно рассматривать и как одно, и как два слова. Таким образом, предлагаемое определение слова попросту оказывалось совершенно бесполезным. Если же считать, что в этом определении имеется в виду только простое понятие, то это будет равносильно признанию, что слово есть минимальная единица языка, имеющая самостоятельное значение². Но такое определение фактически будет не чем иным, как определением морфемы, и может быть приемлемым лишь для тех, кто готов признать, что в китайском языке слово полностью равно морфеме, ничем от последней не отличаюсь³.

Другой наиболее распространенной формулой для тех, кто в основу определения слова кладет смысловой критерий, является следующая: если значение двусложного комплекса представляет собой синтез значений его составных частей, — мы имеем дело со словосочетанием; если же при образовании комплекса происходит расширение или, наоборот, сужение значений его составных частей, — значит данный комплекс представляет собой слово. Здесь обычно приводят для примера комплекс *чй-фянь*: если он означает «есть рис», то это — словосочетание; если же он имеет значение «есть, кушать (вообще)», то это — слово⁴. Затруднение здесь состоит в выяснении того, имеет ли место в каждом конкретном случае изменение значения или нет; разные лингвисты сплошь и рядом дают на данный вопрос противоположные ответы. Возьмем, например, *мй* «лошадь» + *чэ* «повозка» = «конная повозка», «извозчик» или *тё* «железо» + *лй* «дорога» = «железная дорога». Одни лингвисты считают, что как *мй-чэ*, так и *тё-лй* являются словами (основание: *мйчэ* необязательно везется лошадью, но иногда и мулом; из железа делается рельсовый путь не только для железнодорожных составов, но, скажем, и для трамвая)⁵; другие языковеды, наоборот, считают комплексы типа *мй-чэ* словосочета-

¹ См. Л и Ц з и н ь - с и, Синьжун гоуй вэньфа, 1-е изд., Шанхай, 1924. В настоящей статье ссылки даются по изданию 1951 г. (Пекин).

² См. В а н Л и, Чжунго юйфа лилунь, т. I, Чунцин, 1944, стр. 18. Автор этой работы вкладывает, однако, в слово «минимальный» свое собственное понимание. Например, англ. *triangle* он считает содержащим не две, а лишь одну минимальную смысловую единицу.

³ Термин «морфема» применен нами здесь в более широком смысле, чем это было указано выше: для обозначения не только части слова, но и всего состава отдельного односложного слова.

⁴ См. Л и н ь Х а н ь - да, Дунцы-ды лянсье вэньти, журн. «Чжунго юйвэнь», 1953, № 16, стр. 7.

⁵ См., например, е г о ж е, Шэммо бу ши «цы», там же, 1955, № 34, стр. 8.

нием¹. Отсюда ясно, что на основании одного лишь семантического критерия различить слово и словосочетание совсем не легко.

Лингвисты в более позднее время предпочитают искать критерий слова в форме (в широком смысле этого слова). Некоторые ученые определяют слово как единицу, выделяемую в отрезке речи способом изотипной замены². Например, в построении *вò чй фàнь* «я ем рис» элемент *вò* «я» может быть заменен элементами *нй* «ты» или *тā* «он», элемент *чй* «есть» — элементами *чжй* «варить» или *чэн* «накладывать», наконец, элемент *фàнь* «рис» — элементами *мьянь* «лапша» или *цзюоцзы* «пельмени». Обобщение дает простую формулу: *вò, нй, чжй, чэн | фàнь, мянь, цзюоцзы*. Применение этой формулы служит доказательством тому, что *вò* «я», *чй* «есть» и *фàнь* «рис» являются отдельными словами точно так же, как и *нй* «ты», *тā* «он», *чжй* «варить», *чэн* «накладывать», *мянь* «лапша», *цзюоцзы* «пельмени». Вопрос здесь, однако, в том, какое число возможных подстановок следует признать достаточным для установления действительности данной формулы? Если ограничиться слишком малым числом возможных подстановок, например двумя, то совсем нетрудно будет доказать принадлежность к словам таких единиц, которые единодушно признаются морфемами. Например, из возможности перекрестной замены единиц *кэ* «отделение» и *цзй* «группа», с одной стороны, и *чжян* «начальник» и *юань* «член» — с другой, в комплексах *кэ-чжян* «начальник отделения» и *цзй-юань* «член группы» можно вывести, что все четыре однослога являются словами, точно так же как и из возможности перекрестной замены *йн* «английский» и *жй* «японский», с одной стороны, и *йю* «язык» и *вэнь* «письменный язык» — с другой, в комплексах *йн-йю* «английский язык» и *жй-вэнь* «японский письменный язык» можно доказать, что и здесь все четыре однослога являются словами. Между тем лишь очень немногие, пожалуй, согласятся считать словами шесть из указанных однослогов (кроме *кэ* «отделение» и *цзй* «группа»). Если же требования к числу возможных подстановок повысить, например, до пяти, то окажется, что очень многие единицы, которые по ряду других критериев должны считаться словами, не удовлетворяют этому условию и должны быть отнесены к морфемам. Прежде всего при таком подходе сюда попадут некоторые служебные (пустые) слова типа *хэ* «и», «с», *ды* (формант определения), *дэ* (например, в словосочетании *хào дэ хэнь* «очень хорошо»), а также конечные модальные частицы предложения. Да и из полнозначенательных слов далеко не все будут удовлетворять этому условию. С другой стороны, целый ряд глагольно-объектных комплексов допускает лишь весьма небольшое число подстановок в своем составе, — таковы, например, *кай мй* «поднять занавес», «открыть»; *цйн цзэ* «просить отпуск», *дй дйр* «соснуть», *фàнь гэньтоу* «перекувырнуться» и т. д. Так следует ли на этом основании считать все эти конструкции словами, а не словосочетаниями?

За последние годы чаще всего предлагается определение слова как «минимальной единицы языка, способной к свободному употреблению или к свободному функционированию»³. Приведенное определение перекликается с известным определением

¹ См. Ван Ли, Ханьюй юйфа гантяо, 1946 (ср. на русском: Ван Ляо-и, Основы китайской грамматики, М., 1954, стр. 22). Однако автор этой работы в одной из своих поздних статей признал *мй-чй* и др. сложным словом (см. журн. «Чжунго юйвэнь», 1953, № 15, стр. 4).

² Лу Чжи-вэй, Бэйцзинхуа даньиньцзы цыхуй, Пекин, 1951, стр. 13 и сл. См. также позднейшую критику этого метода самим автором (журн. «Чжунго юйвэнь», 1955, № 34, стр. 11). Кроме того, Лу Цзун-да и Юй Минь в своей совместно написанной монографии также определяют слово как «единицу, свободно заменяемую в отрезке речи», однако они добавляют еще критерий — наличие силового ударения (см. Лу Цзун-да, Юй Минь, Сяндай ханьюй юйфа, Пекин, 1954, стр. 40).

³ Чжан Чжи-гун и др., Ханьюй, вып. 1 и 2, Пекин, 1956, стр. 13. См. также Лу Чжи-вэй и др., Ханьюй гоуцйфа, Пекин, 1957, стр. 1.

Л. Блумфилда «*minimum free form*», но отнюдь ему не идентично. По Блумфилду, «free» означает способность слова к изолированному употреблению, иными словами, его способность в соответствующих условиях составить полное высказывание¹. Предложенный метод имеет свои преимущества: он прост и точен. Однако он страдает чрезмерной узостью, ибо таким образом под категорию слова трудно подвести, например, предлоги, союзы, артикли. В применении же к китайскому языку оказывается, что невозможно изолированно употребить подавляющее большинство служебных («пустых») слов, да и некоторые из полнозначенательных слов тоже неспособны к изолированному употреблению. Таковы, например, счетные слова, некоторые слова-заместители (*чжэ* «этот», *нэ* «тот» и *нэ* «который», *чжэмо* «этак», *нэмо* «так», *дэмо* «насколько же»). Сюда придется добавить и некоторые существительные вроде *ху́нь* «брак» (ср. *цзэ ху́нь* «заключить брак»), *цзэо* «купанье» (ср. *сй цзэо* «принять ванну», «искупаться»). Поэтому китайские лингвисты в своем определении говорят лишь о «свободном употреблении» слова и, таким образом, считают словом как «самостоятельными» (т. е. способными к изолированному употреблению) единицы языка, так и единицы «отдельные» (но к изоляции неспособные). Но в этом именно и заключается вопрос: если «самостоятельность» или «несамостоятельность» слова различаются относительно легко, то как различить «отдельное» слово от «неотдельного»? Необходимость в более конкретном критерии все же остается.

С другой стороны, в комплексах типа *мэ+чэ* «конная повозка», «извозчик» или *тэ-лү* «железная дорога» все составные части (*мэ* «лошадь», *чэ* «повозка», *тэ* «железо» и *лү* «дорога») могут быть употреблены изолированно. Тем самым рассматриваемые комплексы (*мэ-чэ* и *тэ-лү*) не являются уже минимальными единицами, способными к свободному функционированию: их приходится относить к словосочетаниям. Фактически так именно квалифицируют их некоторые наши грамматисты. Но тогда оказывается возможным следующий парадокс: *ча́* «чай» и *ху́* «чайник» могут быть употреблены отдельно, и на этом основании *ча́-ху́* «чайник» оказывается словосочетанием; *бэй* «стакан» отдельно в речи не употребляется (в отдельном употреблении мы говорим *бэйцзы*), а потому *ча́-бэй* «чайный стакан», «чайная чашка» оказываются словом. Однако подобная различная трактовка одинаковых явлений противоречит чувству языка: гораздо целесообразнее было бы трактовать оба эти комплекса одинаково — либо как словосочетания, либо как слова; надо сказать при этом, что большинство лингвистов в общем склоняется в пользу второй трактовки.

Далее, многие ученые считают специфическим признаком слова его неделимость: если комплекс поддается распространению за счет введения в его состав тех или иных промежуточных элементов, — как, например, *бэй-чжэй* «белая бумага» с возможным введением форманта определения *бэй*, — значит, он является словосочетанием; если же комплекс такому распространению не поддается, как, например, *сйнь-чжэй* «почтовая бумага», — значит, это слово. Этот критерий имеет под собой достаточное основание: если слово представляет собой некоторую цельную единицу, значит оно не должно допускать разрыва на две отдельные части. Очень велико значение такого определения и в практике языка. Однако при практическом использовании этого критерия дело без трудностей не обходится.

Прежде всего встает важнейший теоретический вопрос: какие «промежуточные элементы» можно считать вводимыми в состав комплекса пра-

¹ См. L. Bloomfield, *Language*, New York, 1933, стр. 178. Еще в 1876 г. английский лингвист Сунт (H. Sweet) предложил применить метод изоляции для выделения слова, но он не говорил при этом, что каждое слово непременно должно удовлетворять этому условию (см. ст. «Words, logic and grammar», «Collected papers of H. Sweet», Oxford, 1913, стр. 5—6).

ильно? Рассмотрим ряд комплексов, составные части которых могут быть разделены приведенными в скобках элементами: 1) *ян* «баран» (*ды*) + *жюу* «мясо» = «баранина» («мясо барана»); *гуа* «висеть» (*ды*) + *ту* «карта» = «настенная карта» («висящая карта»); 2) *ма* «лошадь» (*цзюу* «идти» + формант определения *ды*) + *лю* = «просекая дорога», «улица» («дорога, по которой бежит лошадь»); 3) (*чин* «наложить») *фань* «рис» (*ды*) + *вань* «чашка» = «пшала для риса» («чашка, в которую накладывают рис»); *юань* «круглый» (*ды*) + *чжэ* «стол» (*цзы* — суффикс) = «круглый столик»; 4) *пюй* «женщина» + (*сюэ* «учиться») *шэнь* «ученик» = «ученица», «учащаяся». Следует ли подобные комплексы принимать за словосочетания? Совершенно очевидно, что далеко не всякие разделяющие элементы, вводимые в состав комплекса, могут быть признаны вводимыми правильно; здесь необходимо соблюдать определенные условия. Одним из таких условий является требование, чтобы после распространения данного комплекса не произошло очевидного изменения его значения. Приятие такого условия исключает комплексы второго типа. Другое условие заключается в том, что вводимые в состав комплекса элементы не должны ставиться впереди первой или позади второй части комплекса: это исключает третью группу приведенных примеров. Для исключения комплексов четвертого типа необходимо дополнительно установить, что вводимые в состав комплекса разделяющие элементы должны быть либо словами, либо вспомогательными морфемами, но никак не знаменательными морфемами. Наиболее же спорными оказываются комплексы первого типа. Одни ученые во всех случаях трактуют их как словосочетания, другие считают необходимым внести дополнительно еще следующее ограничение: нужно, чтобы форма, полученная после распространения комплекса, могла быть подставлена на его место в то же предложение¹. Это ограничение позволяет определять комплексы *ян-жюу* «баранина» и *гуа-ту* «настенная карта» как слова, ибо нельзя сказать «*во майла и-цзинь ян-ды жюу*» или «*цян-шан ю иф-у гуа-ды ту*».

Такова одна сторона вопроса. Исходя из другой стороны дела, вполне резонно будет спросить: безусловно ли является словом всякий комплекс, не подающийся распространению? Возьмем фамилии и имена людей, например *Мэй Лань-фан*. Такой комплекс нет никакой возможности распространить. Между тем на вопрос «как Ваша фамилия?» ответ может быть дан просто: «*Мэй*», а на вопрос «как Ваше имя?» последует ответ: «*Лань-фан*». Так что же такое *Мэй Лань-фан* — одно слово или два?

В качестве исключения из указанного выше правила часто приводят образования еще двух типов: известную часть глагольно-объектных комплексов и ряд глагольно-результативных комплексов, которые хотя и могут быть распространены, но тем не менее, согласно мнению этих лингвистов, должны быть признаны словами — здесь принципом нераздельности слова следует будто бы поступиться в пользу принципа внутренней взаимозависимости частей комплекса. Глагольно-объектные комплексы, о которых здесь идет речь, принадлежат к следующему типу: *цзюй-гэнь* «кланяться», *гэ-чжан* «аплодировать», *фан-сюэ* «распустить на каникулы», *цй-цао* «написать начерно», *фу-ю* «служить» и т. д. Все эти комплексы могут быть разделены введенными между ними словами: *цзюй-ла йгэ гэнь* «сделать (один) поклон», *гэла и-чжэнь чжан* «разразиться аплодсменами», *фанла и тьянь сюэ* «распустить на каникулы на один день», *цй йгэ цао* «написать (один) черновик», *фу и-цы ю* «сослужить (одну) службу» и т. д. Однако в этих комплексах либо глагол нельзя употребить отдельно без данного дополнения (в первых четырех примерах), либо как глагол, так и дополнение не употребляются по отдельности (в последнем примере). Некоторые ученые считают, что такие комплексы, независимо от того, употреблены ли их составные части вместе или врозь, все равно являются словом, — его

¹ Лу Чжн-вэй и др., указ. соч., стр. 8, 22.

особой разновидностью — «разделяемым словом». Другие ученые считают, что эти комплексы в слитном виде являются словом, в раздельном же употреблении представляют собой два слова. Они называют такие комплексы «раздельно-слитными словами»¹.

Однако такой подход к вопросу создает трудности двоякого рода. В теоретическом отношении это равносильно признанию, что словом можно считать лишь такую форму, которую можно употреблять изолированно; выше мы уже говорили, что в применении к китайскому языку, как правило, нежелательно было бы стеснять себя такими узкими рамками. В практическом же отношении при указанной установке тоже возникают большие неудобства, ибо глагольно-объектные комплексы являются структурной формой, занимающей в китайском языке преобладающее положение, их число чрезвычайно велико, и в составе предложения они в основном одинаково подвижны [ср. приведенные выше примеры с комплексами *kān-h-shū* «читать» («смотреть книгу»), *сэ-цзы* «писать» («писать иероглифы») и т. д.]. Принадлежность этих комплексов к словосочетаниям не отрицает никто. Если бы мы разбили эти структуры на две категории — слова и словосочетания, то при столь нечетком различии между этими двумя категориями мы оказались бы неизбежно вынужденными при пользовании фонетическим письмом каждый раз наводить соответствующие справки в словаре. Еще одна, относительно меньшая, трудность возникает в отношении раздельного или слитного написания этих комплексов в случае редупликации их глагольной части. Как, например, писать «поаплодировать»: *гъеучжэнь* или же *гъеу чжэнь*?

Что касается глагольно-результативных комплексов, то, во-первых, некоторые из них вообще не поддаются распространению; таковы, например, *цзэцэн* «усилить» или *янчэнь* «удлинить». Другие же поддаются распространению в ограниченных масштабах, допуская лишь введение в свой состав элементов *дэ* и *бу* при выражении возможности или невозможности совершения действия. Таковы, например, *сэ(дэ, бу) вань* «(может, не может) дописать», *фэнь(дэ, бу) сэ* «(можно, нельзя) положить», *сун(дэ, бу) чэу* «(можно, нельзя) выслать». Глагольно-результативные комплексы третьего типа распространяются свободно, например *чэ(дэ хэнь, дэ ю бафэнь) бао* «наелся (очень, почти) досыта», *кань(дэ хэнь, дэ бу шифэнь) чжэнь* «разглядеть (очень, не совсем) точно». Первая разновидность глагольно-результативных комплексов представляет собой слово, в этом отношении разногласий нет; в отношении второй, как и в отношении указанных выше глагольно-объектных комплексов, разногласия существуют: одни считают данные комплексы при любых условиях словами², по мнению других языковедов, словами они являются лишь в случае слитного их употребления³. В этом случае данная трактовка не создает таких затруднений, как в случае с глагольно-объектными образованиями, ибо данным комплексам уже не противопоставлено единичное словосочетание, что обуславливало трудноуловимое различие между тем и другим. Различие между третьим и вторым типами является здесь чисто теоретическим, ибо способные к свободному распространению комплексы тем самым способные и к ограниченному распространению (ср. *чэ дэ бу бао* «ел не досыта» и *чэ бу бао* «нельзя наесть досыта») и, с точки зрения орфографии, конечно, должны трактоваться одинаково с примерами второго типа.

Многие лингвисты обращают внимание на фонетическую характеристику слова. Например, говорят, что слову свойственно иметь одно сило-

¹ Л у Ч ж и - в э й и др., указ. соч., стр. 90—92.

² Л у Ч з у н - да, Ю и М и н ь, указ. соч., стр. 36, 118. Авторы этой книги наравне с некоторыми другим авторами считают *дэ* и *бу* в указанном положении «инфиксами». С точки зрения всей структуры китайского языка, такая трактовка вряд ли может быть принята.

³ Л у Ч ж и - в э й и др., указ. соч., стр. 78—82; Л и н ь Х а н ь - да, Шэмо бу ши «цы», стр. 9.

вое ударение¹. Это правильно. Но при определении границ слова полезность применения этого критерия оказывается ограниченной: можно сказать, что в данном отрезке речи по меньшей мере содержится столько слов, сколько в нем силовых ударений, однако нельзя говорить, что в отрезке речи содержится лишь столько слов, сколько в нем силовых ударений, ибо некоторые односложные слова (главным образом служебные) в составе отрезка речи вообще не несут на себе силового ударения.

Относительно наличия силового ударения в китайском языке пока нет единого мнения; в противоположность этому нейтральный («легкий») тон — явление, различаемое без особых затруднений. Наличие нейтрального тона часто используется при доказательстве того, что данный двуслог или трехслог является словом². Однако полезность применения этого критерия тоже оказывается ограниченной, ибо, с одной стороны, нельзя утверждать, что двуслог или трехслог, в котором ни один слог не произносится в нейтральном тоне, всегда и во всех случаях является словосочетанием, а с другой стороны, нельзя также и сказать, что всякий слог, произносимый с нейтральным тоном, никогда не является словом.

В китайском языке известны явления изменения тонов, что также было использовано в качестве основания для выделения слова. Возможно, что в тех или иных местных диалектах изменение тона при известных условиях и может быть использовано в целях различения слова и словосочетания, однако, если говорить с точки зрения фонетики пекинского диалекта, такой критерий оказывается совершенно бесполезным. В подавляющем большинстве слов изменение тона не имеет места, и, наоборот, при надлежащих условиях изменение тона может происходить в словосочетаниях и даже в предложениях. Возьмем, например, *вѳ мѳй*→*вѳ мѳй* «я покупаю», *мѳй мѳ*→*мѳй мѳ* «покупать рис», *вѳ мѳй мѳ*→*вѳ мѳй мѳ* «я покупаю рис».

Немалое число лингвистов обратили внимание на паузы в произношении (фактические и возможные), полагая, что их можно считать вехами, отмечающими границы слова³. В середину многосложного слова никак не могут быть введены междометия неуверенности *э*, *эн* или *чжээ...чжээ*. Если неспециалисту, имеющему, однако, некоторое представление о том, что такое слово, предложить записать отрезок речи при помощи звукового письма, то этот человек, как правило, не напишет слитно две единицы, которые могут быть разделены паузой. Однако, если у нас есть все основания утверждать, что части одного слова не могут разделяться паузой, то говорить о том, что все заключенное между двумя паузами обязательно является словом, у нас нет никаких оснований. В предложении *нй цюй гэнъ тѳ шѳ* «пойди поговори с ним» или в предложении *вѳ лѳйла сѳнь тѳнь ла* «я приехал три дня назад» между *гэнъ* «с» и *тѳ* «он» или между *сѳнь* «три» и *тѳнь* «день» пауза сделана быть не может. Однако оба эти комплекса, очевидно, следует трактовать как словосочетания.

Из всего сказанного следует ряд выводов:

1. Единица языка, которая может быть изолирована в составе отрезка речи, является словом, — но это не значит, что всякое слово может быть изолировано.

2. Слово может быть единицей, способной к изотипной замене, однако не все единицы, допускающие изотипную замену, являются словами.

¹ Лу Цзун-да, Юй Минь, указ. соч., стр. 41, 55, 73.

² См. Лу Чжи-вэй и др., указ. соч. Необходимо заметить, что «нейтральный тон» и «силовое ударение» не противопоставлены друг другу, ибо слог нейтрального тона является обязательно безударным, в то время как неударенный слог необязательно изменяет свой тон на легкий.

³ См. об этом: Лу Чжи-вэй и др., указ. соч., стр. 28 и далее; Линь Хань-да, Шэммо бу ши «цы», стр. 6—9; Y u e n - r e n C h a o, Mandarin primer, Cambridge (Mass.), 1948, стр. 37.

3. Слово не может быть разделено на части, однако не все, что не допускает деления, обязательно является словом.

4. Слово не может иметь два силовых ударения, однако не всякий комплекс, имеющий в отрезке речи одно силовое ударение, обязательно является словом.

5. В слове могут иметься слоги нейтрального тона, однако не каждое слово содержит слог или слоги нейтрального тона; тем более нельзя утверждать, что любой однослог нейтрального тона не является словом.

6. В середине слова пауза невозможна, но это не значит, что в отрезке речи число слов соответствует числу пауз.

Таким образом, во всех этих перечисленных пунктах значение для выделения слова имеют не столько выведенные позитивные критерии, сколько сформулированные негативные условия. Совершенно очевидно, что попытка выделить все существующие слова на основании какого-то единственного критерия окажется совершенно несостоятельной. Однако если мы признаем, что в китайском языке существуют неодинаковые разновидности слова, тогда, применяя соответствующим образом каждый из перечисленных критериев, мы можем достигнуть нашей цели. За последние годы китайские языковеды постепенно пришли к пониманию, что положение слов в языке не является одинаковым, что в языке существуют: 1) типологически совершенные, полные слова; 2) неполные слова, т. е. слова, близкие к морфемам; 3) протяженные слова, т. е. слова, близкие к словосочетаниям. В общем и целом типологически совершенные слова могут быть опознаны методом изоляции; к ним принадлежит огромное большинство «знаменательных слов». После выделения в данном отрезке речи всех типологически совершенных слов мы получаем в остатке неполные слова¹. К этой категории относятся «пустые слова» и часть «знаменательных слов». Вопрос, таким образом, сводится к различению неполноценных слов и аффиксов. Здесь может быть использован принцип нераздельности слова: слово можно выделить, применяя способ распространения. Благодаря этому способу наречия, предлоги, союзы и модальные частицы могут быть дифференцированы от аффиксов. Единственная сложность здесь остается в отношении дифференциации частиц типа *ды* и *да* от аффиксов. Служебные частицы — тоже своеобразные аффиксы, с той лишь принципиальной разницей, что они способны оформлять не только слово. Поэтому изъятый из контекста отрезок речи, состоящий из служебной частицы вместе с окружающими ее словами, сплось и рядом не может быть употреблен отдельно.

Что же касается различения протяженного слова и словосочетания, то средством для такого различения могут послужить речевая пауза и другие фонетические признаки, да и прием распространения тоже оказывается здесь небесполезным.

Изложенные здесь выводы приемлемы для большинства китайских лингвистов. Конечно, все это — лишь основные принципы для выделения слова в китайском языке, и вследствие особой сложности вопроса по отдельным деталям споры будут продолжаться и впредь.

Перевел с китайского
Н. М. Ошанин

¹ Относительно полных и неполных слов см. Лу Чжи-вэй и др., указ. соч., стр. 14; это — те самые «full word» и «half word» у Сунта (см. указ. соч., стр. 6). Ср. также А. И. Смирницкий, К вопросу о слове (Проблема «отдельности слова»), сб. «Вопросы теории и истории языка в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию», М., 1952, стр. 192—193.